

Глава первая

С недавних пор жизнь Яны Цветковой, владелицы стоматологической клиники «Белоснежка», больше нельзя было назвать суматошной и безалаберной. А ведь именно так всегда отзывались о ее жизни знакомые и близкие. Жизнь Яны, похоже, вошла в спокойное русло и потекла неспешно и размеренно.

Даже родственники, а не только знакомые, перестали мучить ее своими бесконечными просьбами или мольбами о помощи. Теперь ей уже не нужно было, сломя голову, кидаться кого-то спасать, выручать и немедленно кому-то звонить. Яна уже начинала подумывать, что бурная полоса ее жизни отступила, сменилась спокойной и предсказуемой. Впрочем, ее жизнь вряд ли была похожа на черно-белую зебру с равномерным чередованием приятных и не очень событий. Скорее ее личная «зебра» выглядела таким странным животным с узенькой белой полоской

Матюша Луизица

где-то возле головы, потом на всем теле животного в авангардном стиле были нанесены все краски мира для того, видимо, чтобы посильнее запутать исследователей биографии Яны, и вот уже ближе к задней части... Пардон, к крупу, снова появлялась еще одна белая полоска.

Яна была в растерянности, не знала, как ей реагировать на подобные изменения. Понятно, что в физиологическом плане до заката еще было далеко, но что-то явно изменилось. Неужели ангел-хранитель наконец-то прекратил шалить и оставил ее в покое?

— Давно пора тебе, доченька, угомониться! — сказала мать Цветковой, Валентина Петровна, ведущая актриса провинциального Театра юного зрителя. — Тебе уже давно не двадцать! У тебя трое детей. Слава богу, один уже почти доведен до ума — с неоценимой помощью его папаши. Но девочек еще растить и растить...

Яна всегда поражалась очень интересному свойству своей матери. Вроде материнский совет должен был влить в ее душу струю позитива, новых сил, любви, а вместо этого после разговора с мамой можно было впасть в жесточайшую депрессию. Мать не окрыляла ее, не вдохновляла на новые жизненные подвиги, не поддерживала, а наоборот, — как бы приземляла, напоминая о возрасте, об ответственности и прочем нравственном грузе, который с годами на-

Бесплатный сыр для второй мышки

капливается в человеке. Яна даже поймала себя на мысли, что намеренно избегает таких вот душевных разговоров с матерью.

Но, в любом случае, жизнь ее устаканилась. Работа в стоматологической клинике «Белоснежка», общение с детьми и их воспитание, и очень пылкие и непростые отношения с последним мужчиной, отцом ее дочки Евы, который удочерил вторую ее дочь — Анастасию. Настя не была Яне родной, ребенок ее друзей остался без родителей, и Яна не смогла оставить девочку одну.

Мамаша Яны подливала масла в огонь, ей очень хотелось пристроить дочку. Она настаивала на том, чтобы Яна вышла за своего сожителя Мартина Вейкина официально замуж и провозглашала, что «тогда я буду за тебя спокойна и можно будет смиренно умереть».

Бизнесмен Вейкин уже несколько раз делал Яне предложение. Но каждый раз ее что-то останавливало. Что-то мешало ей стать его законной женой. Может быть, ей казалось, что он недостаточно сильно влюблен, а может, что он сделал Яне предложение потому, что жалеет ее двух девочек. Но, скорее всего, Яна просто с жира бесилась, потому что любила Мартина до сумасшествия. У Цветковой было много романов и четыре законных брака, правда, третий и четвертый раз она вышла за одного и того же человека. Вот такая она была женщина!

Матюша Луизицева

Радости и спокойствия она своим мужьям не приносила, да и уходила от них сама. И, похоже, всё же встретила своего человека, испытал всепоглощающее чувство абсолютной любви. И это оказалось намного серьезнее, чем всё, что было у нее в жизни до встречи с Вейкиным.

Яна шла утром на работу и услышала звонок телефона, который запиликал в ее сумочке. Она остановилась и после минутного поиска в недрах сумки выудила мобильник. В трубке прозвучал незнакомый женский голос:

— Яна?

— Да, это я. Кто говорит?

— Яночка, здравствуй, дорогая. Это — Люда Кузнецова.

В голове Яны возник белый шум. «Люда, Люда... Жена Ричарда? — подумала она о жене своего третьего и четвертого мужа Ричарда Тимуровича Алисова, отца ее сына Володи. — Почему Кузнецова? Она Алисова. Может, она назвала свою девичью фамилию?»

Думать Яна старалась быстрее, потому что пауза неприятно затягивалась.

— Яна, мы учились с тобой в школе! — пришла спасительная подсказка из трубки. — Не помнишь меня?

— Ой, Люда! Конечно, помню! Просто очень неожиданно. Мы не виделись... — выдохнула она.

— Со школы. Это же столько лет!..

Бесплатный сыр для второй мышки

— Не будем озвучивать сколько! — остановила ее Яна. — А то можно будет содрогнуться от того, сколько нам самим.

— Яна, ты ведь живешь в Москве, и уже очень давно... Слышала от общих знакомых.

— Это правда. Сразу после института уехала из Волжска.

— Я сейчас тоже в Москве. Мне нужна помощь. Мы можем встретиться? — спросила Люда.

«Ну, вот... сглазила... — пронеслось в голове у Яны. — Опять я кому-то понадобилась!» Но по устоявшейся привычке деликатно ответила:

— Конечно. Я не отказываю в просьбах старым друзьям. Где и когда?

— Ой, спасибо, Яночка! Я знала, что ты не откажешь! Не могла бы ты приехать ко мне в частную клинику пластической хирургии?

— Куда? — удивилась Яна.

— Я тебе потом всё-всё объясню. Приезжай, пожалуйста! Приедешь?

— Ну, что делать... — вздохнула Яна. — Я слово дала. Давай, диктуй адрес...

— Не люблю я больницы, — улыбнулась Яна, когда вошла в одноместную палату известной клиники. — Людка, это ты?

— Я. А кто же еще? — ответила женщина, лежащая на кровати и обмотанная бинтами так, что были

Матвеева Луиза

видны только глаза. — Проходи, садись. А почему ты не любишь больницы? Ты же, кажется, сама доктор.

— И что? Я не доктор, я — стоматолог, — пошутила Яна. — А что хорошего в больницах? Нервы, суета, скопление больных людей. — Яна села на стул около кровати, соединив острые коленки чуть ли не со щелчком, показывая свое нервное состояние. — Ну, давай, рассказывай, зачем меня позвала?

Людмила приняла удобную позу, поджав под себя ноги в белых носочках с красной полосочкой. Это была женщина среднего роста, с широкими бедрами, коротковатыми ногами и большой грудью. При этом талия у Люды была тонкой, а руки очень ухоженными.

— Я, Янка, долго выбирала себе клинику, искала опытного врача и наконец-то решила на пластическую операцию. Смотрю я на тебя, Яночка, и удивляюсь. На тебе время словно остановилось, если не пошло вспять. Ты, похоже, знаешь секрет молодости. Ты и в школе была первой красавицей. Все мальчишки хотели с тобой дружить. Такая яркая, не похожая на других!

— Да? — удивилась Яна. — При этом дразнили меня дылдой, рельсом, каланчой и доской...

— Так этим они привлекали твое внимание! Ну, ты же знаешь, как всё это происходит у подростков. Мне лично потом некоторые признавались, что были влюблены в тебя. Ты же не появлялась на наших

Бесплатный сыр для второй мышки

встречах выпускников. Звезда и мечта многих укатила в Москву, да и за границу...

— Ты так говоришь, словно я вами брезговала или не хотела общаться, — отметила Яна. — Так жизнь сложилась, что я редко приезжала в родной город. Жизнь закрутила.

— Прости, не хотела тебя обидеть. Ты и сейчас сразу ко мне пришла, как только я позвонила, хоть и не виделась столько лет. Все равно поражаюсь, как ты можешь так отлично выглядеть? Такая изящная и красивая! Ты не делала пластику? Скажи, что делала! Это меня успокоит, я поверю, что получу шикарный эффект, когда с меня снимут бинты...

Людмила с восторгом рассматривала длинноногую стройную Яну. Цветкова, действительно, была, что называется, женщина с шармом. У нее были длинные густые светлые волосы, очаровательное лицо, выразительные голубые глаза, изящный носик и немного капризный рот. Она была худощава, с немного запавшими щеками, но это ее совсем не портило, и еще Яна очень любила украшения. Вот и сейчас на ее грациозной шее красовались яркие бусы, на изящных руках звенели оригинальные браслеты, а на тонких пальцах светились кольца с драгоценными камнями.

Яна решила прервать поток восторга, который изливала на нее школьная подружка.

— Я принесла тебе гостинцы, — махнула она рукой в сторону тумбочки, на которую поставила сумку

Татьяна Луизицева

с фруктами и соками. — И чтобы сразу закрыть вопрос о пластике, скажу — к пластическим хирургам я не попадала. И не собираюсь попадать. Нет ничего ужаснее стареющей женщины с усталыми старыми глазами, перетянутой до предела кожей на лице, шее и руках, и с «утиным» растянутым клювом вместо губ. Жалкое зрелище. Прости, если обидела. Но я ответила тебе честно. Стареть тоже надо уметь, время не обманешь. Помнишь, как говорила Фаина Раневская: «Дом оштукатурили, а канализация осталась старой». Но раз уж ты решилась на операцию, то желаю тебе успеха. Я от чистого сердца. Так чем я могу тебе помочь? Зачем ты назначила мне свидание в таком необычном месте? Нужны деньги, чтобы оплатить операцию? Ты не стесняйся. Люда, я готова...

— Яна, спасибо тебе! Я знала, что ты — человечнее! Нет, не деньги меня волнуют. Тут другое... У меня просьба... Наверное, она покажется тебе странной...

— Я к этому привыкла, — успокоила ее Цветкова. — И время у меня есть. Не тяни.

Людмила взмахнула длинными ресницами. Яна заметила, что глаза у ее школьной подруги зеленые. Очень красивые глаза.

— Ты про меня ничего не знаешь, — сказала Людмила. — Мы с тобой не были близкими подругами. Так, одноклассницы, хорошие знакомые. Лет в двадцать пять я вышла замуж за Володьку Пушкина. Такая вот звучная фамилия. Он тебе незнаком. Бизнес-

Бесплатный сыр для второй мышки

мен средней руки. Я думала, что мне сильно повезло. Меня мужской пол, в отличие от тебя, вниманием не баловал. А тут такой... высокий блондин с пышной шевелюрой. Влюбилась, отношения завязались быстро. Я и не думала ломаться. А уж когда замуж позвал, вообще от счастья на седьмом небе была. И ведь много лет жили неплохо. Нет, Вовка похаживал налево, но это как все мужики. Ты же понимаешь...

Яна только неопределённо повела плечом. Она считала измену подлостью, но поделаться с собой ничего не могла. Она бы ни на секунду не осталась с мужчиной, который ей изменил.

— Вот и я закрывала глаза, — продолжила Людмила. — Гулять-то он гулял, шляется по бабам, но возвращался в семью. Детей у нас нет, не случилось этого чуда. Не буду грузить тебя медицинскими диагнозами, проблему во мне нашли. Может, поэтому я глаза закрывала на измены Вовика? Очень боялась и боюсь остаться одна. Я работаю риелтором с переменным успехом. Продам что-нибудь, если повезет — деньги есть, а нет сделок — сидишь пустая. Живем мы с мужем в маленьком, богом забытом городке, какие там особые продажи и аренды? Из Волжска уехали. Да и с нашего теперешнего места жительства люди только уезжают, а продавать их квартиры кому?.. Практически нет покупателей. Живем, в основном, с продажи продуктов в лавке. Муж оформил на себя малый бизнес. А хотелось по-

Татьяна Луизица

жить получше, мир посмотреть. Но мысли эти гнала, жила по средствам. Потрепала меня жизнь, и чтобы муж не ушел к молодой, решила вот на перемены, и, как оказалось, совсем не вовремя. У нас в городишке есть заброшенный хлебозаводик. Сейчас столько хлеба уже не требуется, и завод обанкротился. Убитое здание. Десять лет как выставлено на продажу. Ничего не предвещало, и вот надо же было такому случиться, что именно тогда, когда я пошла на операцию, то есть заморочилась омоложением, нашелся покупатель на этот объект. Представляешь? У меня есть напарница в риелторской конторе, Тося Кувшинкина. Хорошо, что она оказалась порядочным человеком, не скрыла факт покупателя от меня. Объект на продажу или аренду висит на мне. Это как у следователей есть всяки, так и у риелторов есть такие объекты, которые никогда не сдать, не продать, никогда от них не избавиться. И вдруг! Покупатель! Да еще предложил нормальную сумму. Одна такая продажа решила бы все мои проблемы. Покупатель приезжает на днях. Мне предстоит еще коррекция. А он в другое время приехать не может. И я могу упустить шанс на миллион, пролететь как фанера над Парижем. Так вот, находясь в Москве, я вспомнила про тебя, что ты здесь живешь. А еще я вспомнила наше детство, как ты всегда топила за справедливость. Была такая яркая, искренняя. Да и слухи доходили, что ты богатая, что встретила ка-

